

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-77-86

УДК 821.161.1

С.А. Кочетова

Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова,
284626 г. Горловка, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Семантика имени героя как способ существования человека в стиле повести М. Тарковского «Полет совы»

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного своеобразия повести современного прозаика, лауреата многих литературных премий М. Тарковского «Полет совы». Повесть является знаковой для творчества писателя. Автор статьи, обращаясь к методу аспектного анализа литературного произведения, рассматривает функциональное наполнение смыслов собственного имени в повести. Образ героя, как показывает рассмотрение художественного материала, в зависимости от использования варианта имени меняет и стиль поведения, что дает возможность писателю создавать объемный характер персонажа; более того, «смена имени» характеризует и тех, кто дает новое имя герою. С целью представления и характеристики нескольких социальных ролей одного персонажа автор предлагает использовать разные имена, которые, в свою очередь, отражают различные его состояния в разнообразных обстоятельствах. Таким образом, использование вариантов имени является авторским приемом для маркирования изменяющегося социального статуса героя. Кроме того, именование персонажей в повести в принципе является стилиобразующим: автор использует сам факт именованности как способ создания стиливой многокомпонентности прозы, от реалистического повествования с компонентами автобиографичности до лирического и иронического осмысления героем мира и самого себя в этом мире. В повести автор иронически обыгрывает имена людей, живущих в поселке, активно обращается к каламбуру. Речь персонажей является показателем народной мудрости, смекалки и образности мышления людей из сибирской глубинки. Именование главного героя и других персонажей участвует в формировании семантики и символики идейно-смыслового содержания повести. Исследование повести под избранным углом зрения дает «ключи» для новых подходов в изучении прозы М. Тарковского.

Ключевые слова: М. Тарковский, индивидуальный стиль писателя, особенности именнаяречения героя повести, «говорящие» имена литературных произведений, художественный образ

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Кочетова С.А. Семантика имени героя как способ существования человека в стиле повести М. Тарковского «Полет совы» // Литература в школе. 2024. № 5. С. 77–86. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-77-86

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-77-86

S.A. Kochetova

Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov,
Gorlovka, Donetsk People's Republic, 284626, Russian Federation

The semantics of the character's name as a way of human existence in the style of M. Tarkovsky's “Flight of the Owl”

Abstract. The article studies the artistic originality of the tale “Flight of the Owl” written by a modern author, the winner of many literary awards, M. Tarkovsky. The work is emblematic for the writer's oeuvre. The author of the article, turning to the method of aspect analysis of a literary work, considers the functional filling of meanings of proper names in the narration. The image of a character, as shown by the consideration of the artistic material, depending on the use of the name option changes his behavior style that gives the writer the ability to create the character's relief image; moreover, “change of name” characterizes those who give a new name to the character. In order to represent and characterize several social roles of one character, the author proposes to use different names which in their turn reflect his different states in various circumstances. Thus, the use of name variants is the author's technique for marking changes in the social status of the character. In addition, naming characters in the tale is style forming in itself: the author applies to the very fact of naming as a way to create the stylistic multidimensionality of prose from a realistic narrative with components of autobiography to the character's lyrical and ironic interpretation of the world and his role in this world. In the tale, the author ironically plays on the names of people who live in the village and actively refers to pun. The speech of the characters is an indicator of the folk wisdom, ingenuity and imaginative thinking of people from the Siberian hinterland. Naming of the main character and other characters contributes to forming semantics and symbolism of the ideological and conceptual content of the tale. The study of the narrative from a chosen angle gives «keys» for new approaches in the analysis of M. Tarkovsky's prose.

Key words: M. Tarkovsky, the author's individual style, peculiarities of naming a story character, charactonyms, an artistic image

CITATION: Kochetova S.A. The semantics of the character's name as a way of human existence in the style of M. Tarkovsky's "Flight of the Owl". *Literature at School*. 2024. No. 5. Pp. 77–86. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-5-77-86

Пафос художественного слова современного русского писателя М. Тарковского совпадает с переживаниями и надеждами читателей, для которых идеи русского мира, воспитание патриотических чувств по отношению к Родине, выстраивание здоровых взаимоотношений в обществе, основанных на духовно-нравственных ценностях, являются сегодня основополагающими. Его проза пронизана призывом к восстановлению внутреннего равновесия в человеке, поискам смысла жизни, определению корней и истоков, питающих многие поколения россиян силой духа и любви к родной земле. Творчество писателя, развивающего традиции реализма, продолжающего в литературе линию деревенской прозы, начиная с публикации первых прозаических произведений в начале 1990-х гг., интересует многих исследователей. Как правило, они обращают внимание на проблематику, идейно-смысловое содержание, жанровую природу прозы писателя, сюжетно-композиционное своеобразие рассказов и повестей, мотивную структуру произведений, яркие образы и авторский поэтический язык, представляющие, в целом, индивидуальную поэтику стиля М. Тарковского (В. Авченко, Е. Балашова, И. Балаян, Н. Беляева, Н. Вальянов, С. Кочетова, А. Митрофанова, О. Павлов, Р. Сенчин, В. Степанова, В. Яранцев и др.) [1–13; 16].

Одним из аспектов идиостиля М. Тарковского, формирующим само-

бытное художественное слово автора, по праву можно считать его умение наделять своих героев, с одной стороны, вполне реальными, а с другой стороны, «говорящими» именами. Очевидно, что для писателя именование героя или места событий представляет собой чрезвычайно важный процесс, который прямо или опосредованно воплощает идейный замысел и выполняет смыслообразующую функцию в создании художественного целого произведения.

Показательной при изучении стиля писателя является повесть «Полет совы», представляющая, по сути, философско-психолого-исповедальное самоисследование современника. Он предстает перед читателем одновременно цельным и наполненным противоречиями человеком с четкой жизненной и гражданской позицией, но (ничто человеческое ему не чуждо) понимающим и даже принимающим амбивалентную природу мира и общества. Особенную роль в повести играет, на наш взгляд, имя, которым наделяет своих героев автор.

Особенностью имянаречения в произведении становится использование нескольких форм одного имени героя. Переключение социальных ролей героя (приезжий – учитель – сосед – товарищ – напарник) маркируется сменой вариантов его имени. Герой приехал на постоянное проживание из города в маленький сибирский поселок и работает учителем. Для своих коллег и учеников он, в первую очередь, является

Сергеем Ивановичем. По мере сближения с соседями он вращается в местную жизнь, за ним наблюдают, изучают его реакцию, характер, прислушиваются к его репликам и оценкам. Общество постепенно принимает его в свои ряды, начинает считать его своим, ему доверяют, с ним делятся житейскими советами и имуществом. Часто сдержанные в проявлении своих эмоций, деликатные от природы люди постепенно выказывают расположение и даже связывают с героем свои надежды. Так, например, школьная учительница Екатерина Фроловна, «сама по себе нешумная, села особенно осторожно, замедленно, стараясь не шуметь платьем, стулом» [15, с. 164], присматривается и прислушивается к выступлению Сергея Ивановича, декларирующего свою гражданскую позицию в споре с директором Валентиной Игнатьевной. И через некоторое время, уже после цепи событий, во время которых учитель помогает жителям поселка в очень сложных ситуациях, рискует своей жизнью, сам оказывается на грани гибели, Екатерина Фроловна благодарит его за давно сказанные слова о важности воспитания детей в духе любви к своим истокам, Родине, своей истории, традициям и устоям русского мира: «Я давно хотела вам спасибо сказать. За те... ваши слова... правильные. Тогда в учительской... Вы хороший человек. Я вижу. Трудно вам только будет. Но вам надо быть таким. <...> А все управится. Ведь уже было все. И даже похлеще. <...> А я помолюсь. <...> Вы уж вперед, правда, аккуратней будьте. Берегите себя. – Она замолчала, а потом сказала негромко и будто решившись: – Вам еще до директора дожить надо» [Там же, с. 291]. Приез-

жий учитель становится своим, ему доверяют и переживают о нем как о родном по духу человеке.

И он «теряет» свое отчество. При этом обращение к нему по имени Сережа совершенно не означает нивелирования иерархических отношений, предполагаемых в общении с учителем. Когда речь заходит о школьной среде, к нему, безусловно, по-прежнему уважительно обращаются по имени и отчеству. Вполне объяснимая ситуация. Однако интересна она, на наш взгляд, тем, что сам герой ощущает свои две ипостаси, он наблюдает за собой и ощущает свое одновременное существование как Сергея Ивановича и как Сережи. Раздвоением личности эти ощущения назвать нельзя, но сам герой переживает и принимает свою многоликость: «...Это мое раздвоение, одновременное и неожиданное сосуществование Сережи и Сергей Ивановича. Существование довольно странное, поскольку люди они очень разные и по характеру, и по складу мысли, и даже по манере разговора. Сережа – такой задира, он всегда говорит первый, причем негромко, но уверенно, видно, что ему легче, как начинающей стороне. Он большой любитель выводить на чистую воду, причем делает это всегда в разной манере. Сегодня тон у него рассудительно-отстраненный, с распорядительским холодком, предполагающим эдакую необсуждаемую прибавку правды к его позиции» [Там же, с. 174].

Обратим внимание на авторское уточнение: «географическое открытие» в себе двух разных личностей связывается исключительно и показательно с местом пребывания героя. Только «на земле», рядом с настоящей глубинно-русской жизнью,

живой природой и яркими человеческими чувствами, переживаниями, эмоциями обостряется способность воспринимать себя как сложно устроенную человеческую личность, как человека многогранного и неисчерпаемо неожиданного для самого себя: «...Из географических открытий меня волнует больше всего свежее, последнее, как раз связанное с местом, с новой полосой жизни» [15, с. 290]. Отметим, что открытие в себе нового себя происходит постепенно и сопровождается осознанием, что только из «центра России» [Там же, с. 166] можно понимать чаяния и нужды страны. Примечательно, на наш взгляд, то, что герою предстоит научиться принимать себя любого. Он и не сопротивляется открывшемуся откровению, осознавая свою одновременную причастность городу (приехав из него) и глубинке, в которой находится и счастлив от этого.

Герой стремится научиться разговаривать на «одном языке» с жителями поселка, корит себя за искажение слов, однако в то же время чувствует правильность такого способа общения с людьми. Предполагаем, что такая позиция объясняется деликатностью и дипломатичностью героя. Он чувствует, что намеренное верное произнесение слов может выглядеть укором по отношению к порой малообразованным людям. Этим, собственно, объясняется его попытка «приземлить» рассуждения об образовательной системе, об отходе от национальных интересов страны, о популистских идеях, захлестнувших общество, о важности прислушиваться к исконно русским традициям, духовно-нравственным ценностям, проповедующим «народность, семейность, ответст-

венность за свою землю, православное сострадание, любовь ко всему этому... <...>, что с детства вокруг, что в наших книгах!.. И *добро* наконец!» [Там же, с. 167].

В качестве аргументированного представления своей гражданской позиции герой прибегает к схематичному изложению сложившихся отношений в либерально ориентированном обществе, которое запрограммировано на индивидуальную успешность, разобщающую людей. В данном случае герой использует придуманные имена, которые выполняют функцию обобщения, некой универсальности человеческих взаимоотношений: «У микрофона успешный журналист *Передачкин* (здесь и далее выделено нами. – С.К.). Новости поселка *Усть-Пешного!* От слова “пешня”, кто не в курсе. Чем лед колотят. И так... Успешный бортмеханик *Ключевой-Гайко* успешно обеспечил посадку ми-восьмого на площадку и передал почту успешному почтальону *Посылкину*... Успешный кочегар *Лопатюк* успешно обеспечил штатную температуру в школьных помещениях... Успешная техничка *Швабрина* успешно провела мокрую уборку актового зала. Успешный рядовой *Майоров* совместно с успешным пожарником *Хоботом* и успешным монахом *Окладовым* провели встречу со школьниками, посвященную успешности в вопросах гражданской обороны, пожарной безопасности и духовно-нравственного воспитания. Успешный учитель *Дневников-Двойкин* успешно провел занятия по повести успешного писателя Гоголя “Портрет”, успешно развенчивающую понятие “успешность” в самом корне, как категорию поверхностную и сиюминутную. И катастрофически

несостоятельную по сравнению с понятием “служение”. <...> Так же можно и до абсурда докатиться! Ведь есть же вещи главные и элементарные! Основы любой цивилизации! Ведь только в американских фильмах побеждает одиночка – вранье полное, и все прекрасно знают, что побеждает дружная слаженная семья! Поэтому: фундаментальные основы» [15, с. 166–167]. Безликость схематично обозначенных фигур намеренно подчеркивает, на наш взгляд, их безжизненность: Передачкин, Усть-Пешный, Ключевой-Гайко, Посылкин, Лопатюк, Швабрина, Майоров, Хобот, Окладов, Дневников-Двойкин. При помощи имен герой описывает ситуацию, максимально приближая ее к абсурду и формируя ироничное отношение повествователя к так именуемым персонажам. Благодаря метким именам и фамилиям автор создает шаржево-карикатурное пространство произведения.

Обращает на себя внимание традиция давать прозвища, характеризующие стиль речи персонажа, например, привычки человека и т.п. Так, один из персонажей именуется дедом «Три-Титьки-Мать» или «Концевым Дедом»: «Я поинтересовался, кто такой Три-Титьки-Мать? – Это Концевой Дед – дед один тут, бывший будто бортмешок, но вроде как его выгнали сразу почти. Это все при царе-горохе было. Он у Первой речки в балке живет» [Там же, с. 223]. И прозвища деда вполне объяснимы: с одной стороны, он живет в конце мира («Чем дальше я шел к балку, тем сильнее терял ощущение реальности и тем больше отдавало наваждением и напоминало уже виденное. Не то наяву, не то во сне, не то читанное в европейской литературе времен

моды на многозначительную прозрачность» [Там же, с. 224]), а с другой стороны, привычка использовать слова-паразиты породила для окружающих не вполне приличное прозвище («Щ! три-титьки-мать, вот и гость пожаловал! Проходите в избу» [Там же]; «Да видишь ли, три-титьки-мать, Сережа, понимаешь, какое дело <...> он стоял, оказывается, на участке одного козла, а тот строиться надумал, и я ему мешаю. <...> а эти, три-титьки-мать... с боярами...» [Там же, с. 225] и т.д.). При этом меткость и «объемность» раздаваемых дедом «имен» характеризует его как тонкого психолога и «диагноста»: через его прозвища характеризуются не только отдельные персонажи, но состояние общества.

Особенностью индивидуального стиля М. Тарковского, проявившейся в повести, является обыгрывание имен при помощи намеренного изменения одной буквы («– Здорррово, Серрега! Кого-кого, а уж тебя я не ожидал тут встретить! От ты мужик – чрез реку вж-ж-жик! Ты смотри, тихой-тихой, а вон какую пароходину отхватил, ха-ха-ха! А я думал, это Щекоткин, хе-хе! – Он сам как от щекотки хохотнул над тем, как переименовал Щепоткина: хмель вывободил в нем словесную жилку, и он то переименовывал слова, то рифмовал» [Там же, с. 186]) или, например, имени и омофона к нему («Меня рассердил Тонин, извините за каламбур, тон, с которым она, как мне казалось, рисовалась перед Валентиной Игнатьевной» [Там же, с. 250], «Да, конечно, – сказала Тоня в тоне той же четкости и в одно слово “даконешно”...» [Там же, с. 251]). Обыгрывание имен в повести подчеркивает, на наш взгляд, настоящее

филологическое чутье простого человека. Более того, прозаик, пришедший в литературу как поэт, заставляет звучать прозу, что сообщает его стилю своеобразную драматургичность, т.е. иллюзию того, что события разворачиваются на глазах читателя.

В целом, образ Эди с его колоритной речью создает особенную атмосферу близкого природе мира людей. Яркие речевые обороты не только передают характер легкого, на первый взгляд, общения с односельчанами, но и особенности трудной таежной жизни, полной необходимости бороться за жизнь, выживать в трудных условиях, заботиться о пропитании, хозяйстве, вести быт, охотиться, рыбачить, быть поближе к суровой сибирской земле, лесу, реке. При этом Эдя с естественным языковым чутьем без труда рифмует слова, сочиняет песни, рассказывает (!) истории. Обыгрывание слов приводит Эдю к каламбуру, при помощи которого быстро меняется регистр разговора, от серьезного философствования герой, «снижая» пафос рассуждений, неожиданно переходит к шутке и наоборот: «Иногда так разговор нужен... А у всех одно на языке: време-е-ни нет. Да на кой лешак мне время, если поговорить не с кем? Ты вот детей учишь... Вот че такое время? – Ну... субстанция... – Вот и я говорю – суп с танцами. Не пойми че. Кусок сыромятины. Намочил – тянется, нагрелся – съезжилось. Как визига сушеная...» [15, с. 286], «Прогресс нужен, чтобы мыслить! <...> Так что милости просим к нам на перфора... на периферию! Приезжайте. Мы вас жить научим! <...> Мыслить – самая трудная работа» [Там же, с. 191]. И уж совсем неожиданно герой проявляет осведомленность, о которой, например,

и не подозревает Сережа: «Он заряд на себя тянет. Разворачивает магнитное поле на сто пятьдесят градусов. Возвращает фазу. И ликвидирует вредные токи Фуко...» [Там же, с. 286].

Естественность и легкость рождения персонажем речевых оборотов, обыгрывание слов, особенно когда «хмель высвободил в нем словесную жилку, и он то переиначивал слова, то рифмовал» [Там же, с. 186], «переключает» слушателя, заставляет его следовать за мыслью Эдуарда, даже если эта мысль выпадает из контекста разговора: «Да можно, а то барjonка эта все нервы вымотала. – Да ладно, забудь про свою браjonку, я тебе нормальный напиток привез, – повернул он так, будто приехал ко мне на выручку. – Да не браjonку, а я про калошу эту... – Да нормальная калоша. – Он беззаботно махнул рукой. – И браjonка тоже пойдет, если че!» [Там же, с. 186]. В другом случае он перебирает в речи слова «дохОдная» и «доходнАя», обыгрывает слова «купаж» и «купашь»: «Так там же купаж! – Купашь коней у листовиней...» [Там же, с. 189]. Легко рифмуя фразы, Эдя нанизывает реплики, говорком расцвечивая разговор: «И Зять, а его, я тебе скажу, на мякине не взять...» [Там же, с. 189], «Самый букет! Разъедри твой этикет!» [Там же, с. 189], «Медвядя шатучия, дикие да злючия!» [Там же, с. 190] и т.п.

Прибаутки и частушки органично вплетены в его речь, он яркий пример народного таланта, живой источник людской мудрости, потому что «мужики ближе к какому-то естеству, которое я потерял взамен на некую благоприятную городскую запитку, книжную, образовательную, “современную”» [Там же, с. 210]. И, заметим, герой так же легко «обращается»

с именами. Так, варьируя имя Сергея, он вплетает в варианты имени всю историю сплава по реке на плашкоуте и спасение поросят, находящихся на барже: «...Досточтимый дон Сергуччио... дон Сергундо де Свиноперезово, э-э-э... дон синьор Хряко де Кабано... эль Хрюкотранспортирадо! <...> Хрюко!» [15, с. 190].

Снижение регистра разговора в рассказе-описании истории несколько упрощает опасность, которой подвергался герой. И создан этот эффект благодаря шутливому обыгрыванию имени другим персонажем. В то же время, несмотря на «снижение» накала событий, автор подчеркивает высокую степень опасности, грань между возможной гибелью и почти чудесным спасением, серьезность ситуации и, в целом, страх человека. Отметим, что для такого персонажа, как Эдуард (Эдя), обыгрывание имени, каламбуры, диалектизмы, в целом, слова ограниченного употребления; нарушение фонетических и синтаксических норм рус-

ского языка тоже является способом существования: он прячется за маской шута и балагура, словно стесняясь своей природы человека из народа, хорошо знающего, например, законы физики.

Итак, в повести М. Тарковского мы наблюдаем один из примеров «суженого» ономастического пространства [См.: 9], когда герой наделяется несколькими именами или, как в повести «Полет совы», вариантами одного имени (Сереза и Сергей Иванович). Такой прием используется писателем для описания сложной натуры человека, выстраивающего разные способы сосуществования с людьми, апробирующего различные поведенческие формулы, но при этом остающегося цельным в своих убеждениях. И даже шутливое варьирование имени главного героя выглядит как отражение многогранности образа учителя. Имя героя в литературно-художественном произведении становится ключом к раскрытию характера персонажа.

Библиографический список

1. Авченко В. Большая страна Михаила Тарковского // Тарковский М. Тойота-Креста: роман. М., 2016. С. 5–12.
2. Балашова Е.А. В. Шукшин и М. Тарковский: пространство идилического героя // Шукшинский текст: опыт прочтения. Барнаул, 2009. С. 50–57.
3. Балаян И.Л. Проблема личности в рассказах М.А. Тарковского // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 1 (134). С. 134–138.
4. Беляева Н.В. Лирическое начало в прозе М.А. Тарковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009.
5. Беляева Н.В. Образ учителя-словесника в новейшей русской литературе // Филологические открытия: сборник научных статей / отв. ред. и сост. Н.В. Беляева. Владивосток, 2017. С. 124–137.
6. Вальянов Н.А. Творчество М.А. Тарковского в свете современной литературно-научной критики // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 2 (32). С. 76–80.
7. Вальянов Н.А. Художественный мир М.А. Тарковского: пространство, время, герой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.
8. Кочетова С.А. Традиции рождественской прозы в современной русской литературе (на материале повести М. Тарковского «Фарт») // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2017. № 5 (29). С. 18–28.

9. Кочетова С.А. Имена героя в романе Е. Водолазкина «Лавр» // XIII Международные Крымские Михайловские литературно-онимастические чтения (18 сентября 2019 г.): материалы конференции / гл. ред. А.В. Петров; отв. ред. В.М. Калинин. Симферополь, 2019. С. 102–108.
10. Митрофанова А.А. Идиллия Михаила Тарковского // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование: международная научная конференция, посвященная 90-летию Иркутского государственного университета и факультета филологии и журналистики (Иркутск, 6–9 октября 2008 г.). Иркутск, 2009. С. 432–438.
11. Павлов О. Пути и тропы. Проза судьбы М. Тарковского // Литературная газета. 2001. 14–20 марта. С. 9.
12. Сенчин Р. Книга жизни Михаила Тарковского // Rara Avis. Открытая критика. 2016. URL: https://www.rara-rara.ru/menu-texts/kniga_zhizni_mihaila_tarkovskogo?ysclid=m1tbnsaab7564036403 (дата обращения: 30.05.2024).
13. Степанова В.А. Хронотоп прозы М. Тарковского: переосмысление традиционализма // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 216–222.
14. Тарковский М.А. Жизнь и книга. Публицистика и очерки // Октябрь. 2002. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2002/9/zhizn-i-kniga.html> (дата обращения: 01.06.2024).
15. Тарковский М.А. Енисей, отпусти!: рассказы, повести, очерки. М., 2022.
16. Яранцев В. Замороженный Енисеем: о новом трехтомнике М.А. Тарковского // Сибирские огни. 2009. № 10. URL: <https://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/zavorozhennyu-eniseem?ysclid=m1tbx8xskb354294797> (дата обращения: 29.05.2024).

References

1. Avchenko V. Mikhail Tarkovsky's big country. *Tarkovskij M. Tojota-Kresta: roman*. Moscow, 2016. Pp. 5–12. (In Rus.)
2. Balashova E.A. V. Shukshin and M. Tarkovsky: The space of the idyllic hero. *Shukshinskij tekst: opyt prochteniya*. Barnaul, 2009. Pp. 50–57. (In Rus.)
3. Balayan I.L. The problem of personality in the stories of M.A. Tarkovsky. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie*. 2014. No. 1 (134). Pp. 135–139. (In Rus.)
4. Belyaeva N.V. *Liricheskoe nachalo v proze M.A. Tarkovskogo* [The lyrical beginning in the prose of M.A. Tarkovsky]. PhD Dis. Ulan-Ude, 2009.
5. Belyaeva N.V. The image of a teacher-philologist in modern Russian literature. *Filologicheskie otkrytiya: sbornik nauchnyh statej*. N.V. Belyaeva (ed.). Vladivostok, 2017. Pp. 124–137. (In Rus.)
6. Valyanov N.A. The works of M.A. Tarkovsky in the light of modern literary and scientific criticism. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 2 (32). Pp. 76–80. (In Rus.)
7. Valyanov N.A. *Hudozhestvennyj mir M.A. Tarkovskogo* [Artistic world of M.A. Tarkovsky]. PhD Dis. Voronezh, 2018. (In Rus.)
8. Kochetova S.A. Traditions of Christmas prose in modern Russian literature (based on M. Tarkovsky's story "Fart"). *East Slavic Philology. Literature Studies*. 2017. No. 5 (29). Pp. 18–27. (In Rus.)
9. Kochetova S.A. Names of a hero in the novel by E. Vodolazkin "Lavr". *XIII Mezhdunarodnye Krymskie Mihajlovskie literaturno-onomasticheskie chteniya: materialy konferencii*. A.V. Petrov, V.M. Kalinkin (eds.). Simferopol, 2019. Pp. 102–108. (In Rus.)
10. Mitrofanova A.A. Idyll of Mikhail Tarkovsky. *Sovremennost v zerkale refleksii: yazyk – kultura – obrazovanie: mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj. 90-letiyu Irkutskogo gos. universiteta i fakulteta filologii i zhurnalistiki*. Irkutsk, 2009. Pp. 432–438. (In Rus.)
11. Pavlov O. Paths and trails. The prose of M. Tarkovsky's destiny. *Literaturnaya gazeta*. 2001. P. 9. (In Rus.)

12. Senchin R. The book of life of Mikhail Tarkovsky. *Rara Avis. Otkrytaya kritika*. 2016. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/kniga_zhizni_mihaila_tarkovskogo (In Rus.)
13. Stepanova V.A. Chronotope of M. Tarkovsky's prose: Rethinking traditionalism. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin KSPU)*. 2017. No. 1 (39). Pp. 216–222. (In Rus.)
14. Tarkovsky M.A. Life and book. Publicism and essays. *Oktyabr*. 2002. No. 9. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/9/tark.html> (In Rus.)
15. Tarkovsky M.A. Enisej, otpusti! [Yenisei, let go!]. Stories, novellas, essays]. Moscow, 2022.
16. Yarancev V. Frozen by the Yenisei: about the new three-volume work by M.A. Tarkovsky. *Sibirskie ogni*. 2009. No. 10. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2009/10/ia31.html> (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 31.08.2024, принята к публикации 25.09.2024
The article was received on 31.08.2024, accepted for publication 25.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Кочетова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения, Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова, г. Горловка, Донецкая Народная Республика

Svetlana A. Kochetova – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of World Literature and Comparative Literature Studies, Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov, Gorlovka, Donetsk People's Republic

E-mail: sakochetova@mail.ru